

История философии.

23. Проблема универсалий.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, наша сегодняшняя тема, в рамках обсуждения раннего средневековья, вплоть до Фомы Аквинского, — это проблема универсалий. И я хочу начать с формулировки этой проблемы, которую дал Боэций в X веке. Итак, давайте посмотрим.

О, кажется, мне нужно подойти поближе, не так ли? Вот и всё. Теперь нам осталось только сфокусировать его . Понял.

В своей формулировке проблемы универсалий Боэций представил её в виде трёх вопросов, к которым в последующем обсуждении добавил четвёртый. Во-первых, действительно ли роды и виды существуют в природе , то есть вне сознания, или же они являются лишь ментальными конструктами? Иными словами, существуют ли реальные формы? И, конечно же, положительный ответ на этот вопрос приводит к реалистическому выводу. Таким образом, мы говорим о реалистической теории универсалий, согласно которой существуют реальные универсалии независимо от простых универсальных понятий или универсального применения терминов.

Итак, реализм. Второй вопрос: если это реальности, то материальные они или нематериальные? Иными словами, трансцендентны ли они в каком-то платоновском смысле, или эти универсалии материализуются в частностях ? И здесь, по сути, возникает различие между аристотелевской и платоновской традициями, двумя разными видами реализма: трансцендентными или имминентными формами. Третий вопрос, следовательно, заключается в том, существуют ли они отдельно от частностей или внутри них. И добавляется четвёртый вопрос: можно ли рассматривать универсальные понятия отдельно от частностей? Иными словами, можем ли мы мыслить об универсалиях в абстракции? Отталкиваясь от каких-либо конкретных примеров , так что, если я говорю «коричневый», вы, как правило, представляете себе определенный оттенок коричневого, или нет? Если я говорю «квадрат», вы представляете себе определенный рисунок или нет? Теперь, мыслить их отдельно от частностей — значит не ссылаться ни на какой конкретный пример или мысленный образ подобного рода.

Абстрактное мышление, использование абстрактных понятий, получило название абстрактных общих идей. Мы можем говорить об общих идеях, относящихся к частному, но абстрактные общие идеи могут существовать и без отсылки к частным случаям. Именно такой взгляд, согласно которому

существуют универсальные понятия, которые мы мыслим отдельно от частных случаев, отличает концептуалистскую теорию от номиналистской.

Хорошо? Ну, вы видите, как эти вопросы вполне могли вызвать довольно много дискуссий, что и произошло, и в результате проблема универсалий, по мере её развития и развития дискуссии, породила эти первоначальные четыре точки зрения. Впоследствии Фома Аквинский развивает её дальше. Я уже упоминал, что Бонавентура немного продвинулся дальше, а затем нам придётся обратиться к Дунсу Скоту, который развивает её ещё дальше, прежде чем, наконец, Вильгельм Оккам отвергает всё это.

Хорошо? Итак, несколько слов для начала о первой позиции, часто называемой крайним или преувеличенным реализмом. Эта точка зрения приписывается Иоанну Скоту Эругине, иногда Ансельму, хотя в этом отношении он может быть несколько неоднозначен. Преувеличенный реализм — это точка зрения, согласно которой формы, формы видов и родов (роды — это множественное число от рода), существуют в реальности отдельно от отдельных объектов, в то время как каждый объект участвует в этой одной и той же форме.

Но формы существуют не только в таком трансцендентном виде; так или иначе, они существуют и в отдельных случаях, так что между отдельными случаями существует тождественность в силу участия в одной и той же форме, численно единой, повторяющейся в каждом частном случае. Это своего рода сильный реализм. А то, что отличает отдельных людей, — это просто степень лишения, лишения полного участия в форме.

Таким образом, в разной степени каждый из нас как личность менее полноценен, чем был бы идеальный человек. И наша индивидуальность заключается в той соответствующей степени, как бы вы это назвали, бытия, — используется слово «лишение». А как мы познаём эти формы? Через диалектику и просветление разума божественным источником.

Таким образом, это своего рода платоническая точка зрения, и это действительно так. И по крайней мере некоторое время, с учетом богословского применения, она была особенно привлекательной. Если три отдельных сущности могут участвовать в сущности одной формы, то можно говорить о трех личностных существованиях в сущности одного божества.

Таким образом, это стало метафизической схемой, на основе которой было сформулировано учение о Троице. Аналогично, это относится и к идее вселенской церкви, церкви, в которой отдельные люди участвуют одинаковым образом. Аналогично, это касается первородного греха как вселенского явления, которое проявляется во всех наших частных случаях, или пресуществления, где именно те отдельные акциденции, которые мы вкушаем,

остаются неизменными, хотя сущность изменяется, лежащая в основе реальность меняется от сущности хлеба к сущности тела, от сущности вина к сущности крови.

Таким образом, речь идет о реальном присутствии Христа в Евхаристии в смысле пресуществления. Поэтому преувеличенный реализм получил всевозможные богословские применения, и, что вполне понятно, изначально люди очень защищали этот вид реализма, поскольку считали его богословски необходимым. Одним из главных сторонников преувеличенного реализма был человек по имени Вильгельм Шампо.

Если перевести с французского, получится Билл Филд. Разве нет? Позже вы встретите Роберта Гроссетеста, которого переведут как Бобби Толстоголовый, но ладно. Конечно, это дословный перевод, не так ли? Во французском языке XVI века не было секуан -флекса; вместо секуан-флекса там была буква «с», поэтому Гроссетест — это Гроссетат, Толстоголовый, большая голова, понятно.

Что ж, говоря о Вильгельме Шампо, Билл Филд, кажется, отстаивал эту позицию, но подвергся сильной критике со стороны Розалинды и Абеяра (об этом можно прочитать у Штумпфа), и поэтому он вернулся к альтернативной позиции, обычно называемой индифферентизмом, в которой он признавал, что формы существуют в действительности, да, но только в реальности частных, не в трансцендентном смысле, только в реальности частных, и каждая частность, следовательно, участвует в этой форме, все члены вида безразлично участвуют в этой одной и той же форме, так что в сущности, безразличной к индивидуальным различиям, в сущности мы разделяем одну и ту же форму, в акциденциях, если использовать аристотелевскую терминологию, в акциденциях, а не в сущности, то есть в наших индивидуальных различиях, да, мы разные, но по сути, безразличные, и эти формы, следовательно, известны в силу того факта, что все члены вида разделяют эти существенные свойства, которые можно распознать и осмыслить в абстракция от этих повторяющихся сходств у каждого члена класса, следовательно, отступление было к имманентному реализму, формы являются скорее имминентными, чем трансцендентными, и познаются посредством абстракции, а не диалектики. Звучит так, будто он приближается к аристотелевской позиции. Однако даже эта альтернатива была неприемлема для Розалинды, которая отстаивала номиналистическую позицию. Таким образом, согласно номиналисту, нет реальных форм, нет реальных форм трансцендентного рода и нет реальных форм имминентного рода, нет реальных форм, ничто из них не существует вне разума. Более того, внутри разума мы не мыслим в терминах универсалий, нет абстрактных общих идей, нет универсальных понятий. Есть слова, которые, кажется, имеют общую отсылку, общие термины, нарицательные существительные, слово «человек», слово «коричневый», слово «квадрат», слово «справедливость». Конечно, это общие термины, но эти термины

универсальны только в том смысле, что они относятся к каждому члену определенного класса. Класс, термин — это конкретный термин, звук — это конкретный звук, он пишется определенным образом, слово — это конкретное понятие, но оно используется универсально для обозначения целого класса без отсылки к конкретным вещам. Вернёмся к началу: оно используется для обозначения всего класса без отсылки ни к чему, кроме конкретных вещей. Хорошо, оно используется с отсылкой ко всем конкретным вещам в классе без разбора, без разбора. Таким образом, термин номинализм указывает на то, что единственное универсальное — это способ использования имени, номинализм, способ использования имени для универсального обозначения целого класса. Поэтому для номиналиста единственное универсальное — это универсальная отсылка конкретного слова, конкретного термина. Настоящих универсалий не существует, и мы не мыслим универсальными понятиями. Теперь вы видите последствия этого? Что ж, с богословской точки зрения, Розалинду предъявляли обвинения в тритеизме, в существовании трех богов, похожих, но не одного, трех подобных отдельных личностей, а его самого обвиняли в отрицании существования какой-либо вселенской церкви или первородного греха, просто потому что эти доктрины защищались в рамках теории реальных универсалий, но совершенно независимо от богословских вопросов, которые, кстати, привели к осуждению номинализма на Соборе в Суассоне в 1093 году. В дополнение к этим богословским проблемам, возникает еще одно философское следствие: если нет реальных универсалий, то нет и естественного морального закона, присущего сущности человеческой природы.

Естественного морального закона не существует, и, как вы понимаете, теория морального закона, естественного морального закона, была разработана Августином и приобрела большое значение у Фомы Аквинского, но даже на этом этапе, в X и XI веках, она стала важной частью средневековой философской традиции. Нет, Розалинда смогла прийти к такому выводу, потому что естественный моральный закон наделяет нас универсальными моральными обязательствами в силу универсальности человеческой природы. Как моральный закон проявляется внутри нас? В силу формы, которая наделяет нас этой сущностной природой и сущностными намерениями, целью.

Итак, номинализм. Хотя он был осужден еще в XI веке, в XIV и XV веках мы видим, что Вильгельм Оккам возродил номинализм. Его обычно называют одним из главных номиналистов, и именно номинализм Вильгельма Оккама был воспринят Мартином Лютером и оказал огромное влияние на философию XVI и XVII веков.

Хорошо? Так что ждите повторения. По сути, номинализм утверждает, что классическое метафизическое объяснение упорядоченности природы и космической справедливости, классическое объяснение, восходящее к петле Анаксагора, логосу Гераклита и развивающейся теории форм, ложно. Таким

образом, оно фактически разрушило бы всю метафизическую основу греческой и средневековой мысли.

Это было бы радикально революционно. Настолько понятно, что это было отвергнуто именно таким образом. Теперь же начала формироваться компромиссная позиция, представленная концептуализмом Абеяра, концептуализмом Абеяра, который был готов согласиться с Розалиндой в том, что в реальности не существует никаких форм, трансцендентных или возвышенных, но он не соглашался с Розалиндой по поводу того, следует ли нам мыслить универсальными понятиями.

Абеяра настаивал на том, что универсальные понятия существуют, возникают в нашем сознании и что мы мыслим их отдельно от частных случаев. Мы формируем абстрактные общие идеи. Следует признать, что абстрактные общие идеи не всегда очень ясны.

Они могут быть очень общими, но мы способны осмыслить их абстрактно, и это сделало возможным концептуализацию универсальных принципов, концептуализацию видов и т. д., хотя и без соответствующей отсылки к реальным формам внementsального рода. Итак, это четыре основных точки зрения. Э-э, вы поняли общую картину.

Признаюсь, поначалу это немного сбивает с толку, но давайте разграничим вопрос о существовании универсальных понятий и вопрос о существовании реальных универсалий. Хорошо, и вы начинаете понимать, как эти позиции соотносятся. Крайний реализм хочет ответить утвердительно на оба вопроса.

Крайний реализм хочет ответить утвердительно на оба вопроса и подтвердить наличие однозначного соответствия между нашими понятиями и реальными универсалиями. И хотя диалектика, благодаря просветлению, приближается к ним, мы способны обладать тем видом знания, который предвидел Платон. С другой стороны, индифферентизм скажет: да, существуют реальные универсальные понятия и реальные универсалии.

Мы действительно мыслим универсальными понятиями, и такие универсалии существуют. Хотя, скажем так, связь между ними не так очевидна. Она гораздо более приблизительна, чем кажется на первый взгляд.

Это не так уж и хорошо. Во-третьих, номиналист хочет сказать «нет» и тому, и другому, а концептуалист хочет сказать «да» концепциям и «нет» реальным универсалиям. Хорошо.

Ну, я думаю, он бы сказал, что мы просто учимся использовать один и тот же знак для всех видов кошек. Хм, и что в этом волшебного? Если вы думаете о

кошке в целом, у вас либо возникает просто образ чего-то приблизительно похожего на кошку, неопределенного в отношении деталей, не большого или маленького и так далее. Или, возможно, вы вообще ничего не представляете, но кошка просто, хм, это звук, который звучит в вашем сознании, и вы можете его уловить, когда будете о ней говорить.

Да, но задайте себе вопрос: когда мы мыслим абстрактно, о чём мы думаем? Понимаете, и в конечном счёте, я думаю, нужно сказать, что абстрактное мышление, независимо от визуализации частных случаев, использует символы, либо словесные символы, либо другие виды того, что, как говорят Гарольд Бест и консерватория, называется языком. Понимаете, музыкальные символы или что-то в этом роде. Да.

Э-э, вы думаете об использовании символов. Символ, следовательно, — это способ мышления об абстракции. Э-э, когда вы думаете об Америке, что вы думаете? Вы думаете о звёздах и полосах? О национальном гимне на футбольном матче? О карте? Что вы думаете? Э-э, или вы думаете о, э-э, э-э, о каких-то идеалах? Что вы думаете? Видите ли, и я думаю, очевидно, что вы можете думать об Америке, скажем, в терминах изображения карты.

Э-э, как я подозреваю, может быть и у человека, выросшего в другой культуре. Признаюсь, в детстве, когда я рос в Британии, я представлял Америку в категориях небоскребов и голливудских фильмов. Э-э, понимаете, у меня не было абстрактного представления об Америке.

У меня просто были определённые образы. Так что не будет неправдоподобным утверждать, как и предполагает Рассел, что единственные универсальные вещи — это слова, и они не универсальны; это конкретные слова. Видите ли, это не неправдоподобно, и я думаю, что только когда вы внимательно изучаете мыслительные процессы, вы понимаете, что, когда вы мыслите абстрактно, вы думаете не словами, а словами.

Слова — это инструменты для абстрактного мышления. Они не являются абстрактными мыслителями. Вы не думаете об этих словах.

Признаю, в первые несколько недель вводного курса философии вы думаете о словах. Помните этот процесс? Как слова формируют ваши мысли. А теперь, что означает это слово? Что означает то слово? Как они связаны между собой? Знаете, этот процесс похож на изучение нового языка.

Вы думаете о словах. На этом этапе вы учитесь мыслить абстрактно о теориях универсалий и задавать довольно абстрактные вопросы, в которых слова являются средством для мышления. Но вы не думаете о словах.

Вы размышляете над этими идеями. Да, мы мало знаем о сформировавшемся мировоззрении Розалинды, но я смогу рассказать вам о его развитии, когда мы дойдем до Уильяма Оккама. Тогда мы рассмотрим это более подробно.

Но по сути, Уильям Оккам разработал то, что сегодня мы называем теорией божественного повеления. Какова ваша этика? Это то, что Бог вам повелевает делать. Это этика послушания Божьим заповедям.

Этика любви к Богу, как Он повелел вам любить Его. А что, если Бог не дал конкретных заповедей? Затем Оккам заговорил об использовании правильного разума. Что такое правильный разум? О, это выяснение последствий действия, чтобы понять, способствует ли оно тому, чему Бог повелевает вам способствовать.

Понятно? В общем, всё сводится к своего рода теории божественного повеления. Очевидно, что так это работает в теистическом контексте. За пределами теистического контекста, без этой метафизики, всё, что у вас есть, — это, скорее всего, чистый эмпиризм.

Понимаете? Что делает чистый эмпирист в отношении этики? Он становится консеквенциалистом. Как и Джон Стюарт Милль, он утилитаристик. Или она становится, видите ли, я сказал «он» в контексте консеквенциализма, теперь я меняю пол на «она».

Нет, знаете, мы улыбаемся, смеемся, потому что привыкаем к осторожному использованию языка. Но вы заметите, что многие писатели склонны чередовать род местоимений. Из уважения к обоим.

Я думаю, это хороший способ. В качестве альтернативы, эмпирист мог бы обратиться к развитию некой этики, основанной на моральных чувствах, определенных типах эмоций. Так поступает Дэвид Юм.

Это своего рода этический субъективизм, где вы ссылаетесь на субъективные чувства, когда говорите, что что-то правильно или неправильно. Таким образом, субъективизм, консеквенциализм — это типичные результаты эмпирического подхода, основанного на номиналистском отрицании реальных универсалий. Обратите внимание, я не сказал «релятивизм».

Я не говорил о релятивизме. Потому что не весь эмпиризм приводит к релятивизму. Очевидно, что если существует этика божественных заповедей, она не является релятивистской, понимаете.

А у утилитариста есть, по крайней мере, принцип полезности, который не является относительным принципом. Это единственная фиксированная точка отсчета, понимаете. Поэтому он не обязательно является релятивистским.

Несправедливо утверждать, что без универсалий оно неизбежно будет релятивистским. Нет, оно не разговаривает. Нет, он утверждает, что не существует реальных, метафизически реальных универсалий.

Платон ошибался. Дело не в том, что мы не знаем. Это было бы скептицизмом.

Зачем нам это нужно? Ну, как бы вы занимались математикой, если бы не мыслили в категориях абстракций? Число два — это абстракция, отдельная от конкретных наборов чисел два. Прямая линия — это абстракция, потому что она имеет длину, но не имеет ширины, понимаете? Так что ваш вопрос звучит так: зачем мы занимаемся математикой? Или, если теология требует абстракций, зачем мы занимаемся теологией? Если метафизика требует абстракций, если теоретическая наука требовала их, зачем мы этим занимаемся? И вы можете сказать: ну, это интересно, не так ли? Или вы можете сказать: о да, но подумайте о последствиях, о том, как мы можем использовать то, что находим в этих областях.

Да. Или, если вы, опять же, чистый эмпирист, как Джон Стюарт Милль или логический позитивист XX века, вы будете говорить о таких вещах, которые не имеют прямой отсылки, никакой отсылки к частностям, ни прямо, ни косвенно, такие вещи совершенно бессмысленны. Забудьте об этом.

Именно это и говорил Эй Джей Эйер, логический позитивист XX века, и мы будем читать его труды в конце второго семестра. Да. В таком случае этика перестает быть просто вопросом обсуждения ваших субъективных чувств.

Этика сводится к простому выражению эмоций. Поэтому сказать, что что-то не так, ничего не значит, потому что слово «не так» — это абстракция, не имеющая отношения ни к чему. Таким образом, вместо того, чтобы говорить, что что-то не так, вы просто выражаете эмоции, кричите об этом, освистываете это.

Да. Ещё раз. Да.

церкви в целом можно говорить двумя способами. Можно говорить о ней как о конкретной совокупности отдельных людей, в этом случае используется эмпирическое обобщение. Или же можно говорить о ней как о чем-то ином, чем конкретная совокупность отдельных людей, в этом случае необходимо иметь дело с абстракцией, например, с телом Христовым.

Обратите внимание на символику этого слова. Или на понятие вселенской церкви. Или, как говорится в Апостольском Символе веры, на единую святую католическую церковь, где слово «католическая», конечно же, означает «вселенская».

церкви можно говорить либо с помощью абстракций, либо с помощью эмпирических обобщений. И номиналист с удовольствием использует второй способ — эмпирические обобщения.

Это отвечает на вопрос? Да. Видите ли, я пытаюсь сказать следующее: я не согласен с номинализмом, я считаю его ошибочным. Но я хочу защитить правдоподобность этой позиции, даже несмотря на то, что считаю её неверной.

Я не думаю, что это чепуха. Как бы Розалинда воспринимала Бога? Как конкретное существо. Разве вы не так же воспринимаете Бога? Да, но разве мы не воспринимаем Бога абстрактно? Надеюсь, не слишком абстрактно.

Надеюсь, он не просто абстрактная идея. Да, но в каком-то смысле это так. Ну, это зависит от того, что вы подразумеваете под абстрактным восприятием.

Вы спросили, каково его представление о Боге. Розалинда считает, что Бог — создатель неба и земли, воплотившийся в Своем Сыне Иисусе Христе, Господе нашем, родившийся от Девы Марии, страдавший при Понтии Пилате и т. д. Вы не согласны? А как насчет периода до сотворения мира? Да, Он существовал до сотворения мира.

Это не абстракция. Это просто утверждение, что конкретное существо существовало до конкретного времени. Так же и я существовал до конкретного времени.

нет ничего абстрактного . Попробуйте еще раз. Видите ли, Дэвид, я думаю, в вашем вопросе может быть некий скрытый намек на два разных значения слова «абстрактный», где одно значение слова «абстрактный» — это когда вы говорите о Боге до сотворения мира, вы говорите абстрактно.

Нет, я бы сказал, путем экстраполяции, обратной экстраполяции. А другой смысл — использование абстрактных идей универсалий. Нет, но, видите ли, мне трудно понять, если бы преувеличенный реалист — я не уверен, что преувеличенный реалист это делал, — но если бы преувеличенный реалист хотел сказать, что Бог — это универсалия, понимаете, внутри которой есть три частных случая.

Что вы имеете в виду под тем, что Бог — это вселенское понятие? Нет, Бог — это сложная частность, триединое целое, одно в трёх, понимаете? Троичная

доктрина не утверждает, что Бог — это вселенское понятие в платоновском смысле, не так ли? Нет, так или иначе, доктрина Троицы утверждает, что Бог — это не само бытие в абстрактном смысле, а частное существо, являющееся источником всех других существ, понимаете. И тот факт, что вы говорите о частном существе, которое невидимо, не означает, что вы говорите в абстрактном смысле ; это означает, что вы говорите о чём-то, чего вы не видите.

Итак, что такое доброта? Вы — особое существо, обладающее добротой. Я имею в виду, вы ищете поведенческие проявления, когда хотите говорить о добром человеке, и вы ищете поведенческие проявления, когда хотите говорить о святом человеке. Но разве это не привело бы к универсальному утверждению, потому что каждое из них, я имею в виду, исходит из концептуалистской точки зрения? Да, но, видите ли, будьте осторожны, потому что тот факт, что вы делаете универсальное утверждение, может быть просто вопросом обобщения.

Универсальное утверждение логически может иметь такую форму. Вернёмся к началу: это и есть универсальное утверждение. Или другое универсальное утверждение могло бы звучать примерно так: если все так говорят, это будет универсальное утверждение.

Сейчас вас не интересуют универсальные утверждения; если вы говорите об универсалиях, вы говорите об утверждениях об универсалиях. Видите ли, ни в одном из них нет утверждения об универсалиях. Первое — это утверждение о частных случаях, общее утверждение о частных случаях.

Второе утверждение относится к конкретному утру. Ни одно из них не является утверждением об универсальных вещах. Хорошо, вот опять эта тонкая двусмысленность.

Да, Кристен. Да, но понимаешь, что доктрина первородного греха не просто утверждает, что все люди грешны. Она говорит о том, что в какой-то мере мы все причастны к греху Адама.

Видите ли, это совсем другое утверждение. И сказать « участвуем в грехе Адама» — это всё равно что сказать, что мы — частные лица, участвующие в универсальном. Да, вполне возможно .

Но что же является средством участия? Видите ли, это наличие общей человечности, общей человеческой природы, реальной формы, заложенной внутри, так что то, что сделал Адам, испортило эту единственную реальную форму, в которой мы все участвуем, понимаете, это один из способов. Хотя в традиции Тертуллиана и стоической традиции считается, что испорчена именно та душа , которая содержит все души потомков, понимаете, так что в процессе размножения мы получаем испорченные души. Понимаете, потому что в этой

теории Традуциана души, а также тела всех потомков человека содержатся в семени родителя, понимаете.

Да, и поэтому семена несут в себе врожденные слабости. Да, да. Вы имеете в виду, как это связано с первородным грехом? Да, аргумент, если принять точку зрения Традуциана, согласно которой семя отца содержит души потомков, а у Иисуса Христа не было земного отца, понимаете, тогда он был защищен от наследования первородного греха.

Таким образом, все прекрасно взаимосвязано, что часто и делало определенные теории привлекательными — именно это создавало прекрасную взаимосвязь. Что ж, давайте вернемся к универсалиям, хорошо? Увлекательные вещи. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь на конференции на этой неделе подготовил доклад о логике первородного греха у средневековых мыслителей, но у нас такого доклада нет.

Итак, что же можно сказать об Аквинесе в связи с этой теорией терний, этими теориями терний? Можете ли вы вспомнить, что я говорил вчера, рассматривая истоки средневековой мысли о влиянии аристотелевской традиции? Я говорил об Аверроэсе, арабском философе, мусульманском философе, об интерпретации Аристотеля Аверроэсом, которая включает утверждение о вечности материи и отсутствии индивидуального бессмертия. Эти два утверждения рассматривались как делающие Аристотеля несовместимым с христианством, поэтому Бонавентура решительно отверг Аристотеля и продолжил свой платонизм. На самом деле, Бонавентура предполагает, что архетипы, формы как архетипы, находятся в разуме Бога, так что Бог, который, подобно Богу Аристотеля, мыслит, мыслит не только о своих собственных мыслительных процессах, но и о тех архетипических идеях, тех примерах, которые существуют в его собственном разуме. И поскольку эти архетипы, эти формы в сознании Бога являются формами не только видов и родов, но и всех отдельных качеств, то отсюда следует, что Бог может мыслить о любой мыслимой комбинации качеств и в этом смысле может мыслить о любой возможной отдельной особи.

Бог может познавать отдельных людей, и можно сказать, что Бог, способный познавать отдельных людей, создает их, а не ограничивается лишь ролью конечной причины. Он может быть и действенной причиной, создателем Вселенной. Таким образом, Бог создает людей с теми особыми качествами, для которых у него, в его мудрости, есть архетипы, в сочетании, понимаете? И, создавая этих людей, он затем создает разум с определенными качествами, тела с определенными качествами, и, как я указывал в прошлый раз, он создает общую материю, нейтральную по отношению к различию между телесными качествами и качествами души, рациональными качествами, так что сочетание души и тела способно пережить растворение — я сказал души и тела? —

рациональной души и материи, а материя, составляющая рациональную душу, способна пережить растворение физического, понимаете? Таким образом, возможно индивидуальное бессмертие.

Итак, Бонавентура развил свою позицию в ответ на интерпретацию Аристотеля Аверроэсом, который утверждал об отсутствии индивидуального бессмертия. Бог не может творить, тем более создавать отдельных людей, потому что он мыслит только собственным мышлением, понимаете? Но Фома Аквинский — и вот здесь он вступает в игру, понимаете — скорее предпочитает модифицировать Аристотеля, если в других отношениях метафизика Аристотеля с её телеологией, телеологией, которая гораздо более выражена, чем у Платона, если метафизика Аристотеля с её телеологией в других отношениях предпочтительнее платоновской традиции, можем ли мы тогда изменить метафизику Аристотеля, чтобы сделать её совместимой с христианством? И, взяв за образец то, чего не хватало Бонавентуре, Аквинский добавляет к метафизике Аристотеля сначала экземеляризм Августина, точку зрения, согласно которой формы являются образцами, архетипами в сознании логоса. В метафизике Аристотеля вы не найдете логоса, блуждающего повсюду.

Понимаете, у вас есть лишь неподвижный двигатель, а не логос, воплощающий всю мудрость вечных идей? Поэтому Фома Аквинский добавляет доктрину логоса с её примерами в разуме Бога, и вместе с этим — утверждение, что Бог есть благо. Таким образом, для Фомы Аквинского этика не будет такой, в которой человеческое самосовершенствование является благом, как это было для Аристотеля. Понимаете, человеческое самосовершенствование не является высшим благом.

Бог — высшее благо, и Фома Аквинский хочет следовать Августину в этом отношении. Первое, что он добавляет, — это пример. Бог — логос, Бог — высшее благо, Бог в конечном счете является примером для всего творения, и все творение стремится быть подобным Богу.

Это внутренняя телеология. Теперь он также хочет добавить утверждение, что Бог знает свои творения, и поэтому мог создать отдельных людей разных видов, и создать их из ничего, а не из материи, из вечной материи. Таким образом, Бог знает свои творения, знает их заранее, и поэтому мог их создать.

Эксни, привет. Вот что он хочет добавить. И вопрос в том, как он это сделает? Вот что он хочет сделать.

Как ему это удаётся? Что ж, позвольте мне сейчас наметить кое-что, что мы подробнее рассмотрим на следующей неделе. Прежде всего, отмечу, что его «Сумма теологии», одно из двух его главных произведений, содержит отрывки из него в антологии. «Сумма теологии» была написана в ответ на аверроизм, в

ответ на людей, придерживавшихся такой интерпретации Аристотеля. Аверроизм, конечно же, среди христиан, для решения проблем, поднятых Аристотелем, основывался на доктрине двойственной истины, согласно которой существуют истины веры и истины разума.

Итак, какая же первая тема затрагивается им в его «Сумме теологии»? Отношение веры и разума. Аверроисты же имели недостаточное, неадекватное представление о Боге. Какая же вторая тема затрагивается им в его «Сумме теологии»? Представление о Боге.

И когда мы дойдем до тех пяти его знаменитых доказательств существования Бога, я хочу показать вам, что он доказывает возможность использования аристотелевских посылок для аргументации в пользу неаристотелевского Бога. Потому что Бог, который в заключении его доказательств является Богом, чья сущность заключается в существовании, Богом, который является источником бытия, а также порядка и добра, Богом, который знает примеры, формирует в своем собственном сознании разумного Бога, который направляет все вещи к определенной цели. Это то, что Аристотель не мог сказать о Боге.

Иными словами, концепция Бога, даже в начале «Суммы теологии», гораздо больше склоняется к тому, чтобы быть христианским Богом, чем в случае с аристотелевским неподвижным двигателем. В чём же суть? На мой взгляд, суть двоякая, и вы можете увидеть, как он заимствует идеи у Бонавентуры. Во-первых, Бог есть логос.

Бог знает формы, существующие в Его разуме, но, зная формы, существующие в Его собственном разуме, эти образцы, Бог знает каждое отдельное существо, которое Он создал или когда-либо создаст. Почему? Дело в том, что, зная образцы, Бог знает всё возможное. Бог знает все возможности, заложенные в материальной вселенной.

Он знает все возможные варианты, которые он мог бы извлечь из первичной материи. Первичная материя — это материя в чистом виде, без какой-либо формы. Материя, которая уже имеет какую-либо форму, называется сигнатурной материей.

Это своего рода заданная материя, заданная материя. Но Бог понимает весь потенциал, который заложен в первичных материях, потенциал, который может быть раскрыт путем придания им формы. При этом первичная материя не существует вечно.

Дело не в том, что первичная материя может существовать сама по себе. Он аристотелевец. Материя и форма всегда находятся в сочетании.

Но, зная все возможные комбинации, он знает все возможности, существующие в этой гипотетической вещи, в первичной материи, понимаете? Так что даже материя обладает хорошими возможностями и в некоторой степени хороша. Где вы слышали, чтобы грек говорил, что материя хороша? Видите ли.

Первичная материя — это благо. Таким образом, во всей иерархии бытия существуют степени бытия и добра, начиная от Бога и заканчивая первичной материей. И, реализуя некоторую возможность, присущую первичной материи, Он создает нечто из чего? Из ничего, потому что первичная материя — это всего лишь пустая возможность.

Он создает нечто, нечто из простой возможности воплощает в реальное существование. Бог дарует существование, придавая форму тому, что в противном случае было бы бесформенной возможностью. И каждая отдельная вещь, которую он создает, воплощает в жизнь какую-либо подобную возможность.

Каждая отдельная вещь, следовательно, имеет свои собственные возможности, свою собственную природу, которую знает Бог. Каждая отдельная вещь имеет свою собственную цель, свой собственный непосредственный конец. Непосредственный конец — это его собственный частный конец, в отличие от конечной цели всего творения в целом.

Конечная цель всего творения в целом — быть подобным Богу, прославлять Бога, видите ли, прославлять Бога посредством достижения этих непосредственных целей, этих благ, которые являются непосредственными целями. Таким образом, каждая отдельная вещь имеет свое собственное благо, будучи подобной Богу в том смысле, что, будучи отдельной вещью, ее собственная природа предназначена быть подобной Богу в определенной степени. И таким образом она вписывается во всю иерархию бытия так, что все творение, видите ли, в этой иерархии, которая не имеет пробелов и дыр, так что в целом оно подражает Богу и служит славе Божьей.

Итак, что же он делает со своей теорией форм? Во-первых, он утверждает, что формы — это архетипы в сознании Бога; во-вторых, он утверждает, что эти архетипы позволяют каждому индивидууму обладать данной Богом природой; и в-третьих, эта данная Богом природа вписывается в общую цель космоса, которая состоит в том, чтобы быть добрым, как Бог добр, и каждая часть вносит свой вклад в целое. И Бог, зная формы, знает индивидуумов, и индивидуумов внутри любого вида каждого индивидуума. Да, он не называет их формами индивидуумов; он называет их природами, но эти индивидуальные природы включают в себя сущность всего вида.